

НОЗА И ВЕЛИКАНЫ

СТАНИСЛАВ

ВОСТОКОВ

ВОТ ЭТО
КНИГА!

10^{от}

13

до

Вот это книга!

Станислав Востоков

Коза и великаны

«Розовый жираф»

2025

Востоков С. В.

Коза и великаны / С. В. Востоков — «Розовый жираф»,
2025 — (Вот это книга!)

ISBN 978-5-4370-0537-8

Соня – девочка по прозвищу Коза – сбегает из детского дома в заброшенный посёлок на краю тундры. Там её друзьями и собеседниками становятся птицы и звери, уже давно присвоившие себе человеческое жильё. Но кто жил здесь раньше, что стало с этими людьми? Соня справляется с самостоятельной жизнью, хоть ей и нелегко, а ещё исследует открывшийся ей большой мир. И прежде всего тундру – изумительной красоты пространство, где так много манящих тайн и ни души на сотни километров вокруг. Или так только кажется? Девочка найдёт друзей и призвание, но прежде произойдёт настоящее чудо.

ISBN 978-5-4370-0537-8

© Востоков С. В., 2025
© Розовый жираф, 2025

Содержание

Автобус	6
Гензель	10
Д-2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Станислав Востоков
Коза и великаны

© С. Востоков, текст, 2025

© В. Мачинский, иллюстрации, 2026

© ООО «Издательство «Розовый жираф», 2026

Автобус

Светло-зелёный автобус ехал мимо тёмно-зелёного леса. С каждым часом в окнах становилось больше синего и меньше зелёного, лес делался ниже – словно уходил в землю, превращался в траву. А потом вдруг снова выпрыгивал вверх, заслоняя небо и будто хихикая: обманул, обманул!

«Автобус – большая погремушка, – подумала Коза. – А я шарик, который в нём гремит. Болтается, стучается о стенки и гремит – бум, бум!»

Дорога была разворочена, измята лесовозами. Автобус вилял от одной обочины к другой, стараясь не попасть в ямы-ловушки. Каждая остановка отнимала у автобуса одного-двух пассажиров.

А теперь в салоне со штопаными, потёртыми сиденьями и заклеенными трещинами в окнах осталась одна Коза – шарик в погремушке, бум, бум! – она постучала кулаком по стеклу.

«Может, я больше похожа на Колобка? – подумала Коза. – Я от дедушки ушла, я от бабушки ушла... И от Зэ Пэ ушла!»

Коза искоса глянула в прямоугольник зеркала над лобовым стеклом и убедилась, что водитель снова смотрит на неё.

«А от тебя и подавно уйду! – Коза нахмурилась. – Только ты хотя бы до остановки довези. У меня же рюкзак!»

Ещё недавно водитель неотрывно смотрел на дорогу. Но чем меньше становилось пассажиров, тем чаще он поглядывал на Козу. Его взгляд делался острее и острее. Протыкал Козу, как бабочку.

На предыдущей остановке из автобуса, охая, вылезли старик и старуха, распоследние взрослые пассажиры. Наверное, хозяйева какого-нибудь дома в полупустом шахтёрском посёлке. Других тут нет.

«Ну, сейчас начнётся! – подумала Коза и приготовилась врать. – Нет, всё-таки автобус – это бегемот. Он съел меня и водителя, съел, а потом побежал на север. Потому что он полярный бегемот».

Автобус вильнул к обочине и, хрустнув крошкой разбитого асфальта, остановился. Сразу стало слышно, как ветер кошкой трётся о ели, змеёй скользит по стёклам автобуса – ш-ш-ш-с-с.

«Как пишут в книгах – вечерело», – подумала Коза.

Водитель встал, потирая поясницу, скривил губы, будто ему между зубов попала рыба кость, вылез в салон и оглядел его, проверяя, не прячется ли где взрослый.

Коза с готовностью улыбнулась:

– Бензин кончился или перекур начался?

– Ты мне, нывка, зубы не заговаривай. С кем едешь?

«Нывка» на коми-языке – «девочка», Коза это знала. Ну и несколько других слов.

– А-а! – Коза улыбнулась ещё шире, показав дырку на месте бокового резца слева. – Я одна, но меня на остановке встретят.

– В Тикан-тикаде?! – водитель удивился. И не поверил. Он знал, что в Тикан-тикаде автобус встретить некому. Вот уже лет тридцать некому. – Привидения встретят?

Коза вздохнула с притворной усталостью:

– Родители, родители, кто ж ещё? Они купили в Тикане развалюху и всю весну подклеивали, штопали – ремонтировали.

– В Тикан-тикаде? – глуповато повторил водитель.

Повторил так, будто Тикан-тикад – самое страшное место на земле.

Коза не ответила, продолжая приветливо давить взглядом на водителя.

Тот явно не знал, что делать.

– А почему ты сразу с ними не поехала?

– Дом холодный, отопления нет. И туалета. Сказать ещё, чего нету?

Коза сочувствовала водителю. Встретить ребёнка без родителей на краю света – это ох-ох-ох какая ситуация! Кошмарный кошмар! Нужно либо верить детской болтовне, либо везти находку в полицию. А где она, полиция? Вот именно. Полдня пути, не меньше. Такое требует героизма. А водитель не был героем. Водитель внутренне мучился. Он хотел домой – ужинать и спать.

– Пятнадцать лет тут ездю, ни разу никто в Тикан-тикад не ездил. И этой весной никто не ездил.

Во вранье на полдороге останавливаться нельзя. Это Коза хорошо усвоила за пять лет в Д-2.

– У нас «Тойота», – сказала она. – «Ленд-Крузер». Я вообще на автобусе первый раз в жизни еду.

Это, кстати, почти правда была – про автобус.

Водитель, очевидно, решил, что Коза не смогла бы придумать про «Ленд-Крузер». Наверное, мало у него было опыта общения с нывками. Зэ Пэ, например, так легко не проведёшь. Вот у кого опыта – хоть экскаватором отгребай.

Водитель полез обратно в кабину, что-то ворча на коми-языке.

«В животе бегемота побурчало, побурчало и успокоилось», – подумала Коза.

Она зажмурилась и с размаху хлопнула себя по левой щеке. Подождала, пока боль пройдёт, и ударила по правой. Потрясла головой.

Водитель испуганно смотрел на неё в зеркало. Заметил. Но совесть он уже отключил. А что ему оставалось делать? Не герой, просто унай – обычный коми-дядя.

«Бегемот» заворчал и, размахивая выхлопным хвостом, побежал дальше.

Лес за окном присел на корточки, потом, через пару километров, привстал на цыпочки, тут же рухнул на карачки и дальше полз в таком скрюченном состоянии. Надвинулась тундра. Её длинные языки то там, то сям проникали в лес, слизывая деревья.

Через полчаса тряски и вихляний между ямами автобус затормозил у бетонной остановки. Из её обломанной крыши в разные стороны, как щупальца огромного осьминога, торчала ржавая арматура. И, конечно, тут никого не было. Хотя привидения, может, и были. Этого не проверишь.

Водитель ничего не спрашивал. Коза видела, что он всё понимал – понимал и мучился. Козе опять стало его жалко. Он-то при чём? Проходя мимо кабины, Коза вынула из кармана телефон и закричала в него:

– Пап, ну вы где? Я подъехала, а вас нету! Темнеет же! Тут вот дядя водитель переживает, – она подмигнула водителю. – Давайте, давайте, бегите бегмя!

Коза сунула телефон в карман.

– Увлечлись ремонтом, – сказала она. – А что родная дочь на семи ветрах одна стоймя стоять должна, об этом никто не подумал.

Водитель помолчал.

– Ты...

Он махнул рукой, закрыл дверь, развернул «бегемота», заехав одной «лапой» на обочину, и, выстрелив кудрявым чёрным облаком, затрясся по разбитой дороге на юг, к семье, к ужину, к жизни без сумасшедших девочек.

– Меня он забудет через час, – сказала Коза. – Заставит себя забыть. Грустно!

Коза глубоко вдохнула запах бензина. Теперь ей долго не придётся его нюхать. И снова со всей силы ударила себя по щеке. Получилось больно, из глаз даже потекли слёзы.

– А не надо врать! – сказала Коза и, подумав, добавила: – Но как по-другому? Ладно, тут врать можно только волкам. А они этого не поймут. Думаю, что не поймут.

Коза вынула из кармана мобильник. Через экран тянулась трещина, будто фотография чёрной молнии. Коза нашла телефон на автобусной станции. Всю жизнь мечтала о мобильнике, и вот на тебе. А он не работает. Даже батарею вытащили. Вот же неприятность! Значит, не Коза первая нашла. Но всё-таки пригодился. Коза размахнулась, чтобы грохнуть телефон о стену остановки. Ей весь день хотелось что-нибудь грохнуть. Чтобы фонтаном в разные стороны! Она уже приняла свирепое выражение лица, но в последний момент передумала.

– Нет, – сказала Коза, – теперь тут мой дом. А в доме, как говорит Зэ Пэ, должен быть что? Верно, детки, – порядок! По-о-рядочек!

Коза бросила телефон в измятую урну с ржавой водой, надела на плечи рюкзак и подошла по обочине к погнутой табличке с надписью «Тикан-тикад». Она была прострелена в двух местах. Вероятно, охотники баловались.

Коза свернула с дороги на глубоко утопленную в траве тропинку к посёлку.

– Я – одногорбый полярный верблюд! – пропела Коза. – Только, смотрю, растения вокруг какие-то неверблюдные.

Коза шла в сумерках по широкому пространству, покрытому волнами вереска. Она шла как будто между двух тарелок. Сверху серая тарелка – небо, снизу серая тарелка – земля. А между их краями – кисельная полоса заката, которую через несколько часов можно будет назвать рассветом. Пространство укатывалось куда-то за пределы гигантских тарелок, казалось шире видимых неба и земли. Там оно соединяется с какими-то другими мирами, которые ждут и зовут Козу. С каждым днём эти гигантские тарелки будут расходиться дальше и дальше, открывая всё больше пространства. Наступит полярный день, и тарелки отодвинутся в неизведанные космические глубины. А осенью тарелки сомкнутся – и привет, ночь на несколько месяцев. Тогда мир сожмётся, станет маленьким-маленьким, как скомканная газета. Газета, на которой написано: «темень», «пурга», «свечка», «луна» и «волки».

Ветер гнал травяные волны к кисельной полосе, белые звёзды багульника и красные гроздья кипрея рыбками скакали в густых серо-зелёных волнах. Из них там и сям выступали островами кусты ивы, ольхи и карликовой берёзы ростом с Козу. Земля под вереском будто тоже волновалась. Будто кто-то мягко встряхивал её, словно огромное покрывало, пуская по нему широкие волны. Время от времени Козе хотелось остановиться и схватиться за что-нибудь, чтобы не потерять равновесие на этой колеблющейся поверхности. Вот прокатилась почти океанская волна, дальний конец скатерти-земли взметнулся, подняв из каких-то глубин Тикантикад. Всего несколько домов. Они поколыхались вверх-вниз, словно мираж, и утвердились на своих местах. Коза остановилась.

Всё было как на той картинке из интернета, которую она увидела полгода назад. Сказочные пряничные домики с черепичными крышами и широкими кирпичными трубами, с окнами на все стороны, и у каждого – круглое слуховое окошко, откуда по ночам должна вылетать сова в пышном белоснежном оперении. Домики из сказки про Гензеля и Гретель.

Коза вдохнула свежий ветер с едким запахом багульника, хвои и далёкого-далёкого моря. А ещё тут пахло горами. Как пахло? Коза этого не смогла бы объяснить. Пахло – и всё тут. Земля под ногами Козы снова закачалась. Коза засмеялась и пошла к самому красивому дому. Она решила назвать его Гензель.

Гензель

Двери у Гензеля не было. Однако на крючке, ввинченном в косяк, висел слегка заржавленный ключ старинного вида, с замысловатым кольцом и широкой бородкой.

– Странно! – сказала Коза. – Я бы поняла, если бы у пустого дома была дверь и не было ключа. А тут всё наоборот!

Она вошла в прихожую.

Там лежала охапка тряпья с полуистлевшей подушкой. Соскочив давным-давно с одного из двух гвоздей в стене, к полу наклонилась вешалка с полкой для шляп. На полке, зацепившись петельками, застрял вязаный чёрный берет. Из берета выглядывало гнездо. Оно было похоже на растрёпанный парик, который кто-то случайно снял с головы вместе с шапкой. В гнезде голубело что-то вроде осколков чашки.

Ветер шевелил лохмотья отклеившихся от стены полосатых обоев. Они шелестели совсем как листья.

Коза сунула руку в гнездо и вытащила голубую скорлупку.

– Певчий дрозд, – сказала она. – *Turdus philomelos!*

Коза обошла ворох тряпья, остановилась на пороге комнаты. Хозяином комнаты был стол. С толстыми облезлыми, изогнутыми книзу ногами и овальной столешницей. Похоже, он относился к отряду парнокопытных. Точнее определить вид было невозможно. Но, вероятно, он имел родственную связь с яками и овцебыками.

– Отряд ушёл, а ты остался тут, – сказала Коза столу. – Что же делать, без головы далеко не ускачешь, я понимаю. Если не возражаешь, будем жить вместе. И если Гензель не возражает, конечно.

Коза посмотрела в потолок, ожидая ответа дома.

Сквозняк поднял с пола газету. Она запорхала по комнате, кружась, как огромная ночная бабочка. Хотела вылететь в окно, но застряла между осколками разбитого стекла. Коза подошла к окну, взяла «бабочку» в руки, развернула.

На фотографии первой полосы был измятый лысый человек. В руке он держал огромный початок кукурузы.

– «Правда», – прочитала Коза. – Странное название для газеты! Если кто-то так напирает на правду, значит наверняка привирает! Во всяком случае, Ээ Пэ врала частенько.

Коза аккуратно сложила газету и положила на стол.

У дальней стены возвышалась печь, похожая на белый шкаф-гардероб. Только дверца внизу совсем маленькая. Будто в огромном гардеробе хранил одежду гном.

Слева от неё, в углу, на голубой тумбочке стоял аппарат, похожий на небольшой чемодан. У него имелись две огромные катушки, точно два выпученных глаза лягушки. Коза не сразу поняла, что это магнитофон. В Д-2 был проигрыватель, который крутил диски и старые портативные кассеты, похожие на папиросные пачки с двумя дырками. Так вот, перед Козой стоял прадедушка того проигрывателя! От одного глаза к другому через коробку звукоснимателя лягушачьей улыбкой тянулась блестящая магнитная лента. На коробке было написано «Соната-304».

– Блошки на кошке! Интересно, а тут есть буква «ять»?

Коза изучила приборную панель магнитофона. Буквы «ять» не было.

– Я бы назвала тебя «Квак-304»! – сказала Коза. – Ты извини, я в технике ни в зуб ногой. Я в зверюшках в зуб ногой. Даже обеими ногами.

Между приёмником и разбитым окном на стене висела тяжёлая деревянная рама, какие бывают у картин или зеркал. Но эта обрамляла покоробившуюся фанеру за стеклом, на которой было наклеено десятка два чёрно-белых фотографий.

Коза попыталась их рассмотреть, но в окна проникало слишком мало света.

– Ну что же, будем устраиваться на ночь. Гензель, а у тебя нет кровати?

Дом снова промолчал. Но молчал он по-доброму.

Коза прошла через комнату в другую дверь. Тут была кухня с ещё одной, почти квадратной печью-плитой. На ней лежала обглоданная кость. Напротив печи стоял посудный шкаф. Его полки сверху донизу, словно мутное, потрескавшееся стекло, закрывала паутина. Коза взяла валявшийся у шкафа полустёртый веник и намотала на него невесомые нити.

– Паутина – самая прочная верёвка, – сказала Коза задумчиво. – Не для человека, конечно.

В шкафу стояли несколько алюминиевых мисок, помятый ковшик, одна деревянная и три закопчённых чугунных горшка. Один даже с крышкой.

– С посудой порядок, – кивнула Коза. – Но я, Гензель, спрашивала о кровати!

Коза прислонила веник к шкафу, выбросила кость в окно и заглянула за печь. Там стояла кровать: две спинки из блестящих трубок, похожие на секции садовой загородки, между ними металлическая сетка. Продавленная, потому похожая на гамак.

– Кто-то любил поспать на кухне, – сказала Коза. – И он был тяжёлым! А может, сны у него были такие тяжёлые?

Над кроватью через всю стену тянулась тонкая чёрная трещина. Не очень красиво, но можно вообразить, что стена – это карта, а трещина – нарисованная на ней река, например Чёрный Нил. Или корень выросшего на крыше дерева. Под кроватью валялось несколько берёзовых полешек. Коза выгребла их, сложила у печки. Вынула из рюкзака плед с рекламной надписью известной фирмы и сунула рюкзак под кровать. Потом притащила из прихожей старое одеяло, подушку. Положила на кровать, застелила пледом. Легла. От постели пахло болотом. Но разве это имело значение для будущего биолога? Коза накрылась темнотой и заснула. И сны её были лёгкими, как перья совы.

Д-2

Пела какая-то птица. Очень близко. Коза открыла глаза, осторожно повернула голову и увидела дрозда. Он сидел на посудном шкафу и пел. Его песня будто собрала все звуки леса: и шум листвы, и треск сучьев, и журчание ручья, и постукивание мелких камешков. Коза почувствовала, что затекла рука, и пошевелила ею. Дрозд замолчал. Посмотрел на Козу, кажется, с удивлением. Стукнул клювом в блестящую на солнце миску и вылетел в окно. Через несколько секунд оттуда снова раздалась его песня.

– Похоже, ещё один хозяин, – пробормотала Коза. – Неловко-то как!

Она села на продавленной кровати, свесив ноги. Коленки оказались почти на уровне глаз. Выбралась из постели не сразу. Зябко потирая руками плечи, вышла в коридор.

– Интересно, где здесь туалет? – спросила Коза и сама ответила: – Везде. Туалет тут буквально везде.

И побежала за дом.

Потом занялась завтраком. Вытащила из-под кровати рюкзак, расстегнула и посмотрела в него, подумала: съесть сухую лапшу или бутерброд с шоколадным маслом?

– Пожалуй, сухая лапша с газировкой – это слишком.

Коза принесла из комнаты газету с лысым мужчиной, расстелила на столе и нарезала батон. Намазала два куска шоколадным маслом. Достала бутылку минералки.

На раму разбитого окна уселся дрозд, стал смотреть на Козу.

– Завтракаю, – сказала она. – Это твоё гнездо в прихожей?

Дрозд свистнул и подпрыгнул на раме, ловко повернувшись головой в сторону дороги.

Тут за угол окна зацепилось солнце и ослепило Козу. Мир сразу стал красным и тёплым. Коза зажмурилась. А когда открыла глаза, дрозда не было.

– Не очень-то с ними тут поговоришь.

Она доела бутерброд, запила газировкой. Собрала крошки и сложила горкой на край стола. Для дрозда. Хотя дрозды, конечно, предпочитают насекомых. И ягоды. Но главное – предложить.

– Гензель, где тебе лучше меня слышно? Тут? Или, может, в гостиной?

Коза перешла в гостиную.

– Наверное, тут лучше. Ведь тут магнитофон.

Коза огляделась и открыла дверцу в печке-гардеробе. Пусть это будет ухо Гензеля. Потом взяла со стула у стола дырявые брюки, сложила штанинами вместе, повесила на спинку. Села.

– Предупреждаю, будет грустно, – сказала Коза. – Хотя... бывали, конечно, истории и погрустнее. Чего уж. Ну не весёлая – точно. – Коза вздохнула, вбирая в себя запах багульника. Не так сильно, как снаружи, но багульником и тут пахло. – Я убежала, Гензель. Как Колобок. Из дэ-два убежала. Мы так детдом зовём, потому что ДД. Мне десять лет, а я ни разу себя не чувствовала человеком. Жила там, как муха в паутине. Мы все там как мухи. Когда висешь тихо, тебя не трогают. А начнёшь дёргаться и жужжать – Зэ Пэ прибежит! Злой Паук! Ну... на самом деле Зоя Петровна. Приходилось маскироваться, осваивать мимикрию. Знаешь, бабочка сидит на солнце: раскрыла крылья – бабочка, а сложит вместе – сухой лист. Ты их тут, наверное, много видишь. Приходилось притворяться сухим листом. Чтобы паук не съел. И вдруг я увидела фотографию Тикан-тикада. У нас комп с интернетом был. Полчаса в день по очереди – пожалуйста. Тебе интересно?

Дом уже привычно и внимательно молчал.

– Ребята у нас серые, как волки. Нет, скорее – как ослы: никто ничего не хочет. Хотя я говорила – мухи? А чего муха может хотеть в паутине? Чтобы быстрее съели? А я хотела. Нет, не чтоб съели. У меня два хотения было: убежать из дэ-два – это хотение исполнилось – и открыть новый вид животного. Лучше большего. И назвать его своим именем. На латыни это будет Kozlovae. У меня фамилия Козлова. Соня Козлова. Поэтому и Коза, конечно. А если бы ты был нашим детским домом, то стал бы Геной. Хотя Гена и Гензель – это как сурок и орёл. Но я отвлеклась. Я вообще всё время отвлекаюсь. Это Зэ Пэ бесило. И ничего не могу сделать, вокруг столько интересного! Ну, не в дэ-два, конечно. Нам карманные деньги выдавали. Сто рублей в неделю. Много на них не купишь. Копила полгода. На еду и книги. А нож и ложку я из дэ-два на память взяла.

Коза помолчала. Нахмурилась и ударила себя по щеке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.